
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ПЕРСОНАЛИИ

ОБЗОР

материалов Всероссийской научно-практической конференции в форме круглого стола журналов «Правовая культура» и «Государственно-правовые исследования» по теме: «Правовая культура и единое правовое пространство в современной России», приуроченной к 30-летию Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 18.01.2023, Саратов

REVIEW

on the materials of the scientific and practical conference in the form of a round table for the journals «Legal Culture» and «State and Legal Researches» entitled: «Legal Culture and Unified Legal Area in Modern Russia» dedicated to the 30th anniversary of Volga Institute (the branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia), 01/18/2023, Saratov

Ведущим круглого стола выступил главный редактор журнала «Правовая культура», член редколлегии журнала «Государство и право», профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А. В. Малько.

Владимир Михайлович Сырых
Главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (РГУП), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Vladimir Mikhajlovich Syrykh
Senior Researcher of the department of Law, State and Judicature Theories, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Honored Scientist of the RF

Правовая культура общества – объективная основа действующего законодательства

Legal Culture in Society is Objective Basis for Current Legislation

Каждый российский правовед знает и, скорее всего, разделяет известное положение марксистской доктрины права о том, что право, будучи формой экономических отношений, определяется ими, зависит от них. В любом случае с помощью права невозможно обеспечить реальное действие прав и свобод граждан необходимыми материальными и духовными благами, произведенными обществом в количестве, недостаточном для распределения между всеми его членами. Однако экономика не является единственным объективным ограничителем реального действия права. Марксистская теория права знает и другой

объективный ограничитель права — это культурный уровень развития общества, необходимым компонентом которого является правовая культура населения.

«Право, отмечал К. Маркс, никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.» Узкий горизонт буржуазного права может быть преодолен лишь «на высшей фазе коммунистического общества, после того, как исчезнет поработящее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни» [1, с. 19–20].

Основоположник марксизма, как видим, прогнозирует возможность наличия качественных изменений при коммунизме в случае не только способности экономической сферы обеспечить производство материальных благ, в изобилии, способном удовлетворить потребности всех и каждого, но и высокой нравственной культуры членов нового общества. У них должно отсутствовать присущее современным индивидам желание уклониться от участия в общественном производстве материальных или духовных благ. Ибо в условиях коммунизма труд становится первой жизненной потребностью, обусловленной желанием каждого реализовать свои творческие способности и личным трудом вносить достойный вклад в обеспечение и развитие материальных и духовных благ общества.

В. И. Ленин также придавал первостепенное значение правовой и нравственной культуре населения в деле формирования коммунистических отношений. «Мы, — говорил он на III Всероссийском съезде ВЛКСМ, — ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу, умение и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы». Далее он произнес воистину пророческие слова: «Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем» [2, с. 306].

Советское государство продержалось 74 года, записав в свой актив такие героические свершения, как индустриализация страны, всеобщая грамотность населения, победа в Великой Отечественной войне, отсутствие безработицы, но пало жертвой низкого уровня правовой культуры населения. Несмотря на многие и разнообразные меры по формированию социалистического правосознания трудящихся масс, партия и советское государство не сумели привить населению основ правовой культуры нового, социалистического строя.

Каким же образом и в каких формах протекает воздействие правовой культуры на реально действующее право? Научно обоснованного ответа на этот вопрос в российской юридической литературе пока не имеется. В порядке постановки рассмотрим проблему правовой культуры как объективного фактора развития права на примере истории советского государства и права.

Как полагал В. И. Ленин, ведущим способом перехода от соблюдения действующих социальных норм под государственным и социальным принуждением к привычке соблюдать «основные правила социалистического общежития» может стать поголовное участие всех в управлении общественным производством. Однако подобная «фабричная» дисциплина, по признанию В. И. Ленина, «не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и дальнейшего движения вперед» [3, с.101–102].

Ленинская идея о введении рабочего контроля была воплощена в жизнь в числе первоочередных мер советской власти декретом ВЦИК «Положение о рабочем контроле» от 27.11.1917. Рабочий контроль вводился на всех предприятиях, использовавших труд наемных рабочих, но он оказался малоэффективным. По признанию В. И. Ленина, подобные результаты обусловлены двумя факторами: недостаточной активностью трудящихся и неспособностью органов государства подготовить качественно совершенные законы. Декреты по вопросам рабочего контроля были «беспомощны, стихийны и случайны» [4, с. 140]. Окончательно разуверившись в учете и контроле вооруженных рабочих, советское государство

было вынуждено в 1920 г. создать специальный орган — Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин, РКИ).

Таким образом, правовая культура трудящихся масс, так же как и руководящих органов советского государства, оказалась намного ниже, чем предполагал первоначально В. И. Ленин. У государства не нашлось юристов, способных ясно и подробно изложить рабочим права и порядок их деятельности в качестве контролеров за деятельностью администрации предприятия, а у рабочих — знаний и, скорее всего, желания заниматься не своим делом, к тому же на общественных началах.

Реальное действие социалистического базиса в условиях становления советского государства торпедируется низким уровнем политической и правовой культуры, идет насмарку, поскольку, как признавал В. И. Ленин, отсутствует даже элементарная культура реализации законов советского государства. «Советские законы, уверял он, очень хороши, потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом обществе не предоставляют рабочему и крестьянину. А что — пользуются этой возможностью? Почти никто! Но не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким исконно русским явлением, как взяточничество. Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить, только если сама народная масса помогает. У нас коммунисты, не меньше половины, не умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться» [5, с. 171].

Цитата содержит два примечательных положения, которым советские правоведы не придавали должного внимания. Это, во-первых, вывод В. И. Ленина о том, что самые прогрессивные законы советского государства без реализации, воплощения в конкретных отношениях оказываются бездействующими, не способными породить результатов, которые желало получить советское правительство. Во-вторых, причина бездействия законов кроется не в их противоречии с интересами народных масс и должностных лиц, а в правовой культуре, в том числе в неумении субъектов конкретных отношений использовать нормативные установления в своей непосредственной предметно-практической деятельности.

В своих последних статьях и письмах В. И. Ленин определил сферу основных направлений культурной революции: крестьянское население и государственный аппарат. Ведущим направлением культурной революции, по задумкам вождя российского пролетариата, должны были стать коренные реформы в сфере государственного аппарата. Начинать нужно было с малого — с разработки путей и средств рациональной организации деятельности советского государственного аппарата, лишеного атавизмов, присущих до-революционному чиновничеству, в виде волокиты, чванства, бюрократизма, взяточничества, и способного решать вопросы на чисто социалистических началах принципа демократического централизма: оперативно, конкретно и рационально. Решение поставленной задачи В. И. Ленин возложил на Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, который повсеместно пользовался худой славой, «все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет, и что при современных условиях с этого наркомата и спрашивать нечего» [6, с. 393].

Чтобы превратить «наркомат-золушку» в образцовый и ведущий орган советского государства, В. И. Ленин предлагал особо тщательно подбирать его состав, ввести в его структуру часть членов Центральной контрольной комиссии партии (ЦКК) и наделить его такими правами, как разработка теории организации управленческого труда, выявление, обобщение и пропаганда лучших образцов управленческой деятельности, а также ведение борьбы со всякого рода злоупотреблениями, нарушениями государственной и партийной дисциплины. В конечном итоге, Рабкрин должен подготовить научно обоснованные предложения

— каким образом, в какой последовательности следует реформировать советский государственный аппарат, чтобы советская власть была в состоянии удержаться наверняка и обеспечить последовательное развитие управляемых сфер общества «на уровне поднимающейся неуклонно вперед к крупной машинной индустрии».

Конечным результатом культурной революции на селе, по планам В. И. Ленина, должно стать полное кооперирование сельского населения. Именно эта форма организации последнего, по его мнению, создает твердую почву для социалистического ведения сельского хозяйства. Однако ни о каком кооперировании не приходится и говорить в условиях, когда громадная масса крестьянства не обладает элементарной грамотностью. Соответственно, полное кооперирование невозможно без повышения грамотности населения и, в первую очередь, крестьянства.

К сожалению, культурная реформа, проводимая уже без В. И. Ленина, свелась по преимуществу к ликвидации неграмотности. В августе 1923 г. ВЦИК признал необходимым ликвидировать в стране неграмотность к десятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и наметил ряд мер, позволивших успешно решить данную задачу. Декретом ВЦИК от 15.10.1924 «О мерах по народному просвещению» предусматривалось создание сети школ для получения населением общего образования. 11.02.1934 был упразднен созданный по инициативе В. И. Ленина Рабкрин, так и не выполнивший своей масштабной задачи по разработке и внедрению социалистических методов работы органов молодого советского пролетарского государства. Кооперация сельского хозяйства была проведена уже по сугубо сталинским канонам — насильственным сгоном крестьян в колхоз и репрессированием «кулачества», а также крестьян, не желавших переходить на рельсы социалистического строительства.

В дальнейшем советское государство еще дважды пыталось проводить широкомасштабные реформы по приобщению населения к делам государства — в начале 30-х гг. и в первой половине 60-х гг. прошлого века. Позитивный эффект реформ был очевидным и однозначно отрицательным, показавшим несостоятельность идеи вовлечения рабочих и служащих в работу в органах государства на общественных началах, в качестве дополнительной смены, после того, как общественник отработал смену на своей основной работе. В 60—80-х гг. прошлого столетия формирование правовой культуры населения страны советов было возложена на систему общего и профессионального образования, средства массовой информации и лекционную пропаганду права обществом «Знание». Однако и этот путь не снискал больших лавров в деле повышения правовой культуры советского общества.

Инфантилизм населения и должностных лиц на всем протяжении истории советского государства неизменно носил массовый характер и в конечном итоге послужил одним из действенных факторов распада Союза ССР. Недостаточный профессионализм руководителей партии и государства выразился в определении и проведении авантюрного курса перестройки, завершившегося полным крахом социалистического строительства и возвращением страны в условия рыночных отношений. В свою очередь, население страны отнеслось к этому событию нейтрально и не вышло на защиту «горячо любимого» советского социалистического строя.

Советские, равно как и современные российские правоведы дефекты правового сознания граждан видели и видят только в недостатках воспитания и образования. Однако этот односторонний подход к данной проблеме противоречит основному принципу материалистической философии о первичности матери и вторичности сознания. Названный принцип напрямую и без каких-либо исключений проявляется во взаимосвязи экономики и культуры, экономики и правового сознания как одного из ведущих компонентов культуры. Именно так ставил вопрос К. Маркс, говоря об экономическом строе и обусловленном им культурном уровне общества.

Как видим, советско-российские правоведы отошли от марксистской трактовки вопроса о материальных основах правосознания, придав ему чисто позитивистский привкус, законодательство — само по себе, правосознание развивается само по себе. Советские правоведы были уверены в том, что правосознание населения, имеющее своей основой позитивное право, должно в идеале соответствовать ему. Народ, знающий законы страны, любящий эти законы, способен искоренить все негативные свойства правосознания, в том числе и нигилизм и инфантилизм. Но не растут уши выше лба, не растут.

Испытывая на себе влияние двух противоречащих друг другу факторов — официальной правовой пропаганды о гуманном и справедливом советском праве, заботящемся исключительно о благе народа, и иной, суровой правды реальной действительности, дефиците материальных и духовных благ, обещанных правом, — население формировало свою правовую культуру под воздействием последнего фактора. Индивиды больше верили своему практическому опыту, обремененному неизменным дефицитом товаров народного потребления и недостаточностью материальных, денежных ресурсов, обусловленных низкой заработной платой.

Население страны смотрело на законы не глазами и мыслями законодателя, а собственными и с учетом реальных условий, в которых оно обитало и действовало. Ни один индивид не признает закон хорошим, не поверит в его полезные свойства, если на собственном опыте не убедится в этом. Индивид, который сумел реализовать свои права с большими трудностями либо вовсе не сумел реализовать их, ни при каких условиях не признает закон хорошим и заслуживающим уважения. У каждого индивида есть собственные критерии плохих и хороших законов — его собственное, индивидуальное право.

Законодательный произвол и правотворческие ошибки, которыми изобиловало советское законодательство, неизбежно наталкивались на неприятие индивидов, обладающих собственным пониманием права, сообразно конкретно-историческим условиям его бытия, а также уровню образования и культуры. Индивидуальное право, упорно игнорируемое позитивистской доктриной, в действительности является формой воплощения, перевода позитивного права на уровень конкретных отношений.

Индивидуальное право представляет собой совокупность нормативных предписаний, известных и позитивно оцениваемых индивидом в качестве права, которым он готов руководствоваться в своей непосредственной деятельности. Процесс формирования индивидуального права не ограничивается одним формально-логическим усвоением познающим субъектом действующего позитивного права, а включает в себя интеллектуально-оценочную деятельность, направленную на поиск оптимальных путей удовлетворения его потребностей. При этом мыслительная деятельность может идти по двум направлениям, в зависимости от отношения индивида к действующим нормам позитивного права.

Если индивид ориентируется на нормы позитивного права, которые разделяет и оценивает, то основное направление мыслительной деятельности сводится к конкретизации абстрактных норм применительно к содержанию планируемого правоотношения. Более сложной предстает мыслительная деятельность в ситуациях, когда нормы права не удовлетворяют индивида и он вынужден искать иные варианты юридически значимых действий, способных привести к позитивному результату.

Индивид, отчужденный от общества и государства и оставленный наедине с самим собой и своими потребностями, вынужден самостоятельно, с помощью своих знаний и умений, формировать индивидуальное право. Характерно, что на этой стадии перехода правового регулирования индивид принимает эстафету от государства в виде созданных норм позитивного права и достойно несет их до конечной, финальной стадии воплощения в конкретных отношениях. Именно стараниями и действиями индивида абстрактные нормы позитивного права дополняются и конкретизируются применительно к особенностям его непосредственного бытия, специфике планируемых правоотношений, а затем

формулируются в виде условий индивидуального договора либо активной деятельности в сфере публичного права.

Государство надеется на то, что благодарный индивид не выйдет за пределы установленного, будет неизменно придерживаться канонов, установленных законами, и уступает ему дорогу на стадии реализации частного позитивного права. Однако индивид к нормативным положениям государства относится предосудительно и испытывает готовность их исполнять в той мере, в какой они позволяют удовлетворить его потребности и интересы. Отнятое у общества и индивидов право самостоятельно творить нормативные установки исходя из собственного интереса, а не государственных воззрений, существовавшее в период формирования частной собственности и права, фактически сохраняет свое действие на стадии реализации права.

Частный собственник не желает находиться в смиренной рубашке позитивного права. В пределах свободы, предоставленной политическим режимом, либо вступая с ним в конфликт, индивид весьма успешно находит пути реализации своих экономических интересов в обход государства, используя для этого обычаи, деловые обыкновения, иные социальные нормы либо создавая собственные оригинальные нормы права. Образно говоря, правотворческая деятельность индивидов, выброшенная государством в дверь, неизменно возвращается через окно, поскольку естественное право человека по своему усмотрению распоряжаться своим собственным имуществом ни при каких условиях не может узурпироваться государством.

Всякий индивид в отношении принадлежащего ему имущества на правах частной собственности обладает экономической свободой пользования и распоряжения этим имуществом. Ибо хозяйственная экономическая деятельность гражданского общества еще с давних времен и особенно в последнее время основывается на принципе «разрешено все, что прямо не запрещено законом». Правовому же запрету могут быть подвергнуты лишь действия, причиняющие вред правам другого лица или интересам общества. Однако и запрет не всегда может признаваться абсолютным и бесспорным. Вполне возможны и хорошо известны ситуации, когда под видом запрета государство способно самым грубым образом посягать на частные права индивидов.

В свою очередь, индивид в борьбе за свои экономические права использует самые разные средства, в том числе абсолютную, безграничную свободу формирования индивидуального права. Деятельность индивида по формированию индивидуального права протекает практически в тех же формах, что и правовая деятельность государства. Да, позитивисты правы в том, что индивидуальное право — это не позитивное право, не обладает его содержанием, формами выражения и механизмами функционирования. Но они глубоко заблуждаются, отказываясь признавать индивидуальное право новой, более высокой формой развития позитивного права.

Тот факт, что законы государства без воплощения в конкретных отношениях оказываются действующими, но не действительными, убедительнее всего свидетельствует об иллюзорности основополагающего принципа позитивистской доктрины о законодательстве как регуляторе общественных отношений. Регулятор не является чисто юридическим термином. Впервые он был применен в технических науках для обозначения устройства, способного удерживать деятельность механизмов, технических средств в заранее заданных параметрах. Например, распределительный вал двигателя внутреннего сгорания, регулирующий синхронную деятельность клапанов двигателя, или автоматическая коробка передач, управляющая скоростью движения автомобиля. Непременным показателем действия регулятора является не только определение режима деятельности подконтрольного механизма, но и приведение его в заданные параметры, управление механизмом.

Следовательно, применение термина «регулятор» к действующему праву необходимо предполагает, что оно обладает способностью не только определять

меру поведения субъектов права, но и обеспечивать ее неукоснительную реализацию в конкретных отношениях. Однако последним свойством право не обладает. Если бы было иначе, как уверяют позитивисты, то зачем тогда содержится армия правоохранительных органов, судов, иных правоприменительных органов, основной смысл которых сводится к обеспечению реального воплощения норм права в непосредственной действительности. Более того, как показывает история права, названные органы также не обеспечивают воплощения всех действующих норм в реальную жизнь.

Правоохранительные органы ведут борьбу с правонарушениями и правонарушителями, тогда как значительная часть норм бездействует по иным причинам – из-за нежелания правомочных индивидов использовать свои субъективные права. Личные права субъектов права, как известно, реализуются их собственными действиями и сообразно их интересам, интернированным в их волю. Бездействие индивидов в части предоставленных им прав, с точки зрения общества, может признаваться предосудительным, тем не менее оно является юридически нейтральным и потому правомерным. Причины подобного асоциального поведения субъектов права, по мнению российских правоведов, кроются в их правосознании и выражаются в двух формах – правовом нигилизме и правовом инфантилизме.

Правовой нигилизм, по мнению Н. И. Матузова, выражается в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а его причины коренятся в правосознании индивидов, в котором преобладающее значение имеют такие негативные компоненты, как консерватизм, приверженность к старым обычаям и правовым порядкам, незнание ведущих принципов права, действующих в обществе правовых порядков. Носителями нигилизма могут выступать как граждане, так и должностные лица. Наиболее частые формы нигилизма проявляются в нарушениях действующего законодательства, массовом неисполнении юридических предписаний, принятии противоречащих друг другу законов, подмене законов политической целесообразностью и др. [7, с. 257]

Правовой инфантилизм, как полагает П. П. Баранов, представляет собой наиболее мягкую форму искажения правового сознания, заключающегося в несформированности, недостаточности правовых знаний, установок. «При этом имеется в виду не столько неполнота правовых познаний граждан, сколько пробельность в главном, когда из целостной системы выпадают существенные ее элементы и прежде всего позитивное отношение к закону и другим правовым ценностям» [8, с. 482]. По мнению Е. С. Зайцевой, правовой инфантилизм присущ как обыденному, так и профессиональному и даже научному сознанию. Данное качество у профессионального юриста присутствует чаще всего на начальных этапах деятельности, поскольку «далеко не каждый субъект, имеющий юридическое образование, обладает необходимым запасом правовых знаний, сформированностью правовых установок, наличием устойчивых стереотипов социально активного правомерного поведения» [9].

Метафизическое одностороннее мышление позитивистской доктрины неспособно представить процесс правового регулирования как диалектически противоречивый процесс отрицания отрицания, в котором одна форма права неизбежно сменяет другую. Индивидуальная и конкретная формы права выступают инобытием предшествующей формы права и удерживают в себе все сущностное, необходимое, что было присуще предшествующей. С этих позиций индивидуальное право выступает в качестве следующей, более высокой стадии правового регулирования. На этой стадии обеспечивается перевод абстрактно-всеобщего (позитивного) права на уровень единичного и, в конечном итоге, создаются необходимые условия для его дальнейшего движения.

Позитивное частное право нуждается в индивидуальном праве и предполагает его, поскольку не знает иных путей воплощения в действительность, в конкретные правоотношения. В этом заключается основная особенность индивидуального права как единичного массовидного явления, на которое

обратил внимание Г. Гегель, но которое по настоящее время не замечают позитивисты.

Философ правомерно обращал внимание на то, что внешняя необходимость представлена государством как действительность конкретной свободы. В то же время «всеобщее не обладает значимостью и не может быть совершено без особенного интереса» индивида. Органичное соединение всеобщего и особенного приводит к тому, что государство «предоставляет принципу субъективности достигнуть полного завершения в качестве самостоятельной крайности личной особенности и одновременно возвращает его в субстанциональное единство» [10, с. 286–287].

Индивидуальное право, таким образом, призвано согласовать общий и особенный интерес, но не посредством формального, вызванного государственным принуждением согласия индивида, готового подписаться подо всем, что требуется позитивным правом, как это полагает позитивистская доктрина. В действительности в сфере частного права индивиду предоставляется возможность свободного выбора того варианта правового поведения, который способен наилучшим образом реализовать личный интерес, не нарушая общественного. Право проходит основательную экспертизу на способность быть действительным правом, верно отражать индивидуальный интерес во всеобщей форме.

Нормы, не получающие позитивной санкции индивидов, имеют весьма низкие шансы на воплощение в действительность, чаще всего вынуждены существовать лишь формально, без какой-либо надежды быть воплощенными в частноправовых отношениях. Обструкции, как правило, подвергаются несовершенные нормы права, неспособные верно выразить и защитить частный интерес либо закрепляющие государственный произвол. Подобное отношение индивиды демонстрируют и к устаревшим, фактически утратившим силу нормам права.

Первым предвестником того, что действующие правовые предписания утратили силу, является противодействующее им индивидуальное право. Именно на этом уровне заинтересованные лица первыми осознают качественные изменения в своих правах, видят недостатки действующего права и формируют новое право. Конечно, этот процесс нельзя понимать упрощенно, так, будто бы каждый способен выразить суть своих правоприязаний на уровне всеобщего, абстрактного права. И тем не менее суть и содержание действительного права осознаются на уровне индивидуального права значительно раньше той даты, когда это право получит воплощение в позитивном законе. В любом случае проект закона, порожденный сообразно индивидуальному праву его разработчиков, предшествует закону, а не наоборот.

Ведущим мотивом избранного индивидом варианта юридически значимого действия является его материальный интерес, желание получить максимальную выгоду. В тех случаях, когда возможность ее получения предоставляется на пути, плохо сочетаемом с законом, индивид может игнорировать закон и искать новые правовые пути реализации своих материальных или духовных интересов. Именно на этом пути по-прежнему индивиды формируют новые правовые отношения, которые наилучшим образом соответствуют современному уровню развития экономики. Не государство, а индивиды, как и прежде, выступают «локомотивом» развития частного права. Более того, их собственный опыт юридически значимой деятельности выступал основным критерием престижа действующих в стране законов и иных нормативных правовых актов.

В условиях тотального дефицита товаров народного потребления индивидуальное право и правовая культура советских граждан оставались по преимуществу на уровне принципов буржуазного права, воспринятого советским государством, согласно заветам классикам марксизма, за неимением лучшего. Большая часть населения страны, не имеющая надлежащего материального достатка, вынуждена была заниматься дополнительными промыслами в виде спекуляции дефицитными товарами, частно-предпринимательской деятельности,

хищения государственного и кооперативного имущества, незаконной рыбной ловли и др. Индивиды, жившие на одну заработную плату, вынуждены были хозяйствовать крайне экономно, довольствуясь лишь необходимым прожиточным минимумом. Право граждан на получение бесплатной государственной квартиры могло быть реализовано ценой, как минимум, десятилетнего стояния в очереди.

Советские граждане, ориентированные по преимуществу на решение бытовых задач, менее всего были склонны к восприятию принципов социалистического права, закрепленных Моральным кодексом строителя коммунизма, в качестве ведущих принципов своего индивидуального права. Между тем партия требовала от членов социалистического общества немало, в том числе: любви к социалистической Родине, добросовестного труда на благо общества, заботы о сохранении и преумножении общественного имущества, высокого сознания общественного долга, нетерпимости к нарушениям общественных интересов и даже непримиримого отношения к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству и т. д.

Понятно, что принципы Морального кодекса резко контрастировали с устоями индивидуального права граждан, основанного на принципах частного права, и были приняты населением с определенной долей сарказма, по крайней мере, желающих жить по этим принципам не оказалось. Спустя двадцать лет от Морального кодекса отказался даже породивший его орган (ЦК КПСС), взявший курс на предприимчивость, частное предпринимательство, затем произошел развал страны.

Но можно ли упрекать население страны Советов в том, что оно не последовало к коммунизму путями предписанными партией, а осталось верным традиционной культуре дореволюционного прошлого? Нет, граждане страны Советов действовали в прямом соответствии с основным принципом философии, признающим примат материи над сознанием. Партия же игнорировала ленинскую рекомендацию о том, что «без работы, без борьбы книжное знание социализма ничего не стоит, так как оно продолжило бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который оставлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества» [2, с. 302]. В результате советским государством была допущена грубая теоретическая и практическая ошибка — желание повысить правовую культуру населения посредством обучения и пропаганды, без развития системы социалистических отношений обмена и распределения и неуклонного совершенствования сферы быта.

Таким образом, история советского государства убедительно доказала, что правовая культура населения выступает объективным критерием оценки действующего позитивного права. Она непременно возвращает на реальную почву социально-правовой действительности всякие попытки законодателя «облаготворить» население страны материальными и духовными благами, еще не созданными обществом. Население, в отличие от законодателя и официальной пропаганды, мыслит и действует сугубо реалистично, верит в то право, которое гарантирует реальное действие закрепленных им субъективных прав и свобод граждан и по которому можно реально получить обещанные законом блага. Кроме того, руководствуясь собственным индивидуальным правом, граждане самостоятельно осуществляют поиск правовых путей удовлетворения своих потребностей.

Наблюдается непосредственная зависимость между позитивным правом и уровнем правовой науки, ее способностью обосновать и закрепить в нормативных установлениях суть и содержание соответствующих общественных отношений. Отнюдь не всегда правовая наука готова дать научно обоснованные рекомендации относительно оптимальных вариантов законодательного закрепления общественных отношений. Именно такая ситуация имело место в период формирования законодательства по вопросам правового статуса и деятельности советских предприятий, организаций и учреждений.

Наиболее революционные, подлинно социалистические преобразования были проведены советским государством в сфере общественного производства. Это выразилось в отмене права частной собственности на землю, орудия и средства производства, установлении на них права государственной социалистической собственности, уничтожении эксплуатации и создании социалистических форм хозяйства. На новые принципы социалистического хозяйствования предстояло перевести всю систему народного хозяйства. В. И. Ленин упрекал Курского в том, что при подготовке нового гражданского законодательства Наркомюст плывет по течению. «А он обязан бороться против течения. Не перенимать (вернее не дать себя надуть тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о праве, а создавать новое. ...Вырабатывать новое гражданское право, новое отношение к "частным" договорам и т. п.» [5, с. 398].

Между тем оказалось, что правоведов, способных перевести эти верные указания В. И. Ленина в нормативные установки закона, в стране не имеется. Правовая культура как правоведов-марксистов, так и буржуазных специалистов, привлеченных к подготовке гражданского кодекса, не имела на сей счет научно обоснованных решений. В результате, в основу механизма взаимодействия между хозяйствующими субъектами советского государства была положена буржуазная конструкция юридического лица, с той лишь разницей, что распоряжение собственника своим имуществом было подменено правами оперативного управления имуществом на условиях хозяйственного расчета.

Таким образом, как свидетельствует история советского права, правовая культура выступает объективным основанием реально действующего права в двух функциях.

Первая функция характеризуется тем, что правовая культура индивидов, населения страны выступает критерием эффективности позитивного права, его способности обеспечивать реальное действие субъективных прав и свобод личности. Одновременно, правовая культура населения удерживает законодателя от желания принимать «популистские» законы, обещающие населению «золотые горы и реки полные вина», при их недостаточном количестве либо полном отсутствии. Население бесстрастно регистрирует все факты субъективного произвола законодателя, порождающего иллюзорные нормы, не способные воплощаться в конкретных отношениях, и плохо верит позитивным оценкам официальной пропаганды о нормах, не соответствующих содержанию отражаемых ими общественных отношений. Именно по этим причинам партии и Правительству не удалось реализовать ленинскую идею о сознательной дисциплине рабочих и крестьян. И прогнозируемый В. И. Лениным результат «наше дело безнадежно» неизбежно последовал в 1991 г.

Вторая функция правовой культуры — функция научного обоснования законопроектов — реализуется представителями правовой науки в ходе специальных исследований и подготовки концепций, определяющих оптимальные варианты правового регулирования. Общественные отношения, существующие в виде возможности, не могут воплотиться в конкретные правоотношения ранее того, как они будут закреплены соответствующим законом. Но принятие последнего на качественно совершенном уровне и эффективность его действия возможны лишь после того, как правовая наука изучит соответствующие отношения и подготовит научно обоснованные предложения о содержании законопроектов и необходимых механизмах правового регулирования.

Правовая культура как объективная основа права, следовательно, обеспечивает перевод экономических отношений в действительность тем, что вооружает законодателя научно обоснованными вариантами правового опосредствования названных отношений и осуществляет контроль качественного совершенства законов, способности закрепленных им норм права обеспечивать эффективное регулирование общественных отношений. Законотворчество, основанное на свободном усмотрении законодателя, закрепляет нормы права, не соответствующие закономерному ходу развития общества и государства, деформирует правовую

культуру населения. Несовершенные нормы создают искусственные препятствия на пути реализации прав и свобод граждан и формируют в их сознании такие негативные явления, как юридический нигилизм и инфантилизм и оппозиционные к деятельности государства настроения.

Пристатейный библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы // Сочинения. Т. 19. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 11–34.
2. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1981. С. 298–318.
3. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. М., 1981. С. 1–120.
4. Ленин В. И. Отчет Центрального комитета VIII Съезду ВПК(б) // Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1969. С. 131–150.
5. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Полн. собр. соч. Т. 44. М., 1977. С. 396–400.
6. Ленин В. И. Лучше меньше да лучше // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1982. С. 389–406.
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2001. С. 240–271.
8. Баранов П. П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права : курс лекций. Н. Новгород. : Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. С. 474–494.
9. Зайцева Е. С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-infantilizm-problemnye-voprosy>.
10. Гегель Г. Философия права. М., 1992.

References

1. Marks K., Engel's F. Kritika Gotskoj programmy // Sochineniya. T. 19. [Criticism of the Gotha Program // Works. Vol. 19] М. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury [State Publishing House Of Political Literature], 1961. P. 11–34.
2. Lenin V. I. Zadachi soyuzov molodezhi // Poln. sobr. soch. T. 41. [Tasks of youth unions // Full collection of works. Vol. 41] М., 1981. P. 298–318.
3. Lenin V. I. Gosudarstvo i revolyuciya // Poln. sobr. soch. T. 33. [State and Revolution // Full collection of works. Vol. 33] М., 1981. S. 1–120.
4. Lenin V. I. Otchet Central'nogo komiteta VIII S'ezdu VPK(b) // Poln. sobr. soch. T. 38. [Report of the Central Committee of the VIII to the Congress of the VPK(b) // Full collection of works. Vol. 38] М., 1969. S. 131–150.
5. Lenin V. I. O zadachah Narkomyusta v usloviyah novoj ekonomicheskoy politiki // Poln. sobr. soch. T. 44. [On the tasks of the People's Commissariat of Justice in the conditions of the new economic policy // Full collection of works. Vol. 44] М., 1977. S. 396–400.
6. Lenin V. I. Luchshe men'she da luchshe // Poln. sobr. soch. T. 45. [Better less but better // Full collection of works. Vol. 45] М., 1982. S. 389–406.
7. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava. [Theory of state and law.] М. : Yurist» [Jurist], 2001. S. 240–271.
8. Baranov P. P. Pravosoznanie i pravovoe vospitanie // Obshchaya teoriya prava : kurs lekciy. [Legal awareness and legal education // General theory of law: a course of lectures] N. Novgorod. : Izd-vo Nizhegor [Nizhegor Publishing House]. VSH MVD RF [Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 1993. S. 474–494.
9. Zajceva E. S. Pravovoj infantilizm: problemnye voprosy. [Legal infantilism: problematic issues.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-infantilizm-problemnye-voprosy>.
10. Gegel' G. Filosofiya prava. [Philosophy of law.] М., 1992.